

Полицейская и следственная деятельность

Правильная ссылка на статью:

Неупокоев А.П. Уголовно-правовая природа нарушений свойств процессуального решения по уголовному делу // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.3.76008 EDN: WRFXQW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76008

Уголовно-правовая природа нарушений свойств процессуального решения по уголовному делу

Неупокоев Андрей Павлович

Научный сотрудник; Сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии; ФГБУН "Институт государства и права Российской академии наук"

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

✉ narpos74@gmail.com

[Статья из рубрики "Уголовно-процессуальная деятельность полиции"](#)

DOI:

10.25136/2409-7810.2025.3.76008

EDN:

WRFXQW

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2025

Дата публикации:

27-09-2025

Аннотация: В статье рассматривается проблема правовой природы преступлений против правосудия в российском уголовном праве. Актуальность исследования обусловлена дискуссионным характером квалификации ряда преступлений, предусмотренных статьями 299, 300 и 305 УК РФ, и их места в системе Особенной части Уголовного кодекса. Цель работы заключается в комплексном анализе правовой природы преступлений против правосудия и определении их видового объекта. В ходе исследования рассматриваются различные научные подходы к пониманию сущности данных преступлений и их влияния на систему уголовно-правовой охраны. В статье подробно анализируются аргументы сторонников различных подходов к квалификации преступлений против правосудия, рассматриваются вопросы о соотношении преступлений против правосудия с преступлениями против конституционных прав и свобод человека. Методологическая

основа исследования включает анализ уголовно-правовой доктрины, сравнительно-правовой метод и системный подход к изучению норм уголовного законодательства. Особое внимание уделяется исследованию позиций ведущих ученых-правоведов по данной проблематике. Автор исследуется сущность правосудия как объекта уголовно-правовой охраны, а также особенности общественных отношений, возникающих в процессе осуществления правосудия. Основные выводы исследования подтверждают, что преступления против правосудия представляют собой единую группу деяний, посягающих на деятельность суда и вспомогательных органов, объединенных общими интересами реализации правосудия. Автор сформулировал дефиницию преступлений, нарушающих свойства уголовно-процессуального решения, выносимого как на стадии предварительного расследования, так и на стадии разрешения уголовного дела судом по существу. Практическая значимость работы заключается в изложенных предложениях по совершенствованию уголовного законодательства в сфере охраны правосудия, что может быть использовано как в правоприменительной деятельности, так и при организации учебного процесса в ведущих университетах страны. Исследование вносит существенный вклад в развитие теории уголовного права и способствует более глубокому пониманию правовой природы преступлений против правосудия.

Ключевые слова:

правосудие, обвиняемый, прокурор, интересы суда, следователь, прекращение уголовного дела, специальный субъект, подозреваемый, суд, закон

Правовая природа ряда деяний, признанных законодателем преступлениями против правосудия, в доктрине российского уголовного права относится к дискуссионным проблемам. Многие криминалисты, например, считают необоснованным выделение в качестве специального состава преступления посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ). Как указывается в уголовно-правовой литературе, в этом случае нарушается принцип приоритетной охраны личности, закрепленный в ст. 2 УК РФ; жизнь человека выступает дополнительным объектом преступления, тогда как должна всегда являться основным [\[1. с. 56\]](#). Научная новизна настоящего исследования заключается в предложении авторской формулировки видового объекта преступлений против правосудия, разработке концепции разграничения преступлений против правосудия и преступлений против конституционных прав и свобод человека, учитывающей специфику их объекта и предмета, а также в комплексном подходе к рассмотрению преступлений против мира и безопасности человечества. Рассматриваемая проблематика выступала предметом исследований ряда советских и российских теоретиков уголовного права, в частности, Н.Р. Фасхутдинова, В.Н. Иванова, А.И. Чучаева и других.

Проблема правовой природы деяний, предусмотренных ст. 299, 300 и 305 УК РФ, также пока не нашла своего решения. Причем под сомнение поставлена позиция законодателя практически по всем видам рассматриваемых преступлений. Например, Н.Р. Фасхутдинова считает, что к посягательствам на правосудие необоснованно отнесено деяние, предусмотренное ст. 301 УК РФ. Объектом незаконных задержания, заключения под стражу или содержания под стражей она считает личную неприкосновенность; преступлением, по ее мнению, «причиняется ущерб прежде всего тому, что даровано самой природой человека, без чего жизнь его немыслима, а потом уже нарушается нормальная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и

суда, поэтому более правильно будет перенести данную норму в главу, содержащую составы преступлений, связанных с нарушением свободы, чести и достоинства человека» [\[2, с. 59\]](#).

Подобное мнение высказывалось еще в советской уголовно-процессуальной литературе. Так, А.И. Сергеев также относил указанное деяние к посягательствам, интегрированным в настоящее время в гл. 17 УК РФ [\[3, с. 59\]](#). Таким образом, в незаконных задержании, заключении под стражу и содержании под стражей он видел преступление, посягающее не на правосудие, а на свободу, честь и достоинство личности.

В связи с указанными обстоятельствами в настоящее время предлагаются разные решения, самое простое из которых предусматривает перенос ст. 301 УК РФ в гл. 17 или гл. 19 УК РФ.

По сути, аналогичные идеи в советском уголовном праве высказывались В.Н. Ивановым [\[4\]](#), А.В. Кузнецовым [\[5\]](#) и др. Причем они поддерживались не только криминалистами, но и специалистами в области прав человека. Так, Е.А. Лукашева утверждала, что перенос нормы о преступлении, фактически посягающем на неприкосновенность личности, а не на правосудие, нельзя считать механическим актом, изменяющим место состава преступления в Особенной части УК, а демонстрацией стремления государства к созданию атмосферы правовой стабильности, обеспечивающей доверие граждан к власти [\[6, с. 46\]](#).

А.С. Горелик, также считавший необоснованным признание деяний, посягающих на неприкосновенность личности, преступлениями против правосудия, полагал, что перемещение норм о подобного рода посягательствах из гл. 31 в гл. 19 УК РФ явилось бы свидетельством приведения системы Особенной части УК РФ в соответствие с классификацией объектов преступлений, «при которой непосредственный объект каждого из преступлений, отнесенных к указанной главе, находился бы в плоскости охраняемого ею объекта. В противном случае ведомственные интересы органов правосудия будут преобладать над конституционными правами личности, что противоречит всей концепции создания правового государства» [\[7, с. 75-76; 8, с. 493\]](#).

Некоторые авторы занимают более радикальные позиции, предусматривающие принципиальное изменение архитектуры Особенной части Уголовного кодекса РФ. Например, согласно мнению В.А. Михайлова, необходимо сформировать в УК РФ самостоятельную главу «Преступления, нарушающие права человека в местах предварительного заключения и краткосрочного задержания граждан» [\[9, с. 53\]](#). Не ставя цель подробного анализа данной позиции, отметим, что реализация указанного и подобного ему предложения не согласуется с концептуальной основой структурирования норм Особенной части УК РФ, при ее построении исходящей из объекта уголовно-правовой охраны, тогда как В.А. Михайлов критерием выделения особой группы деяний называет обстоятельства места совершения преступления.

В самом общем виде правовая природа явления, в том числе уголовно наказуемого деяния, – это его сущность с точки зрения права, его характерные черты, позволяющие отличать от других правовых явлений, несмотря на формальное физическое сходство. На первый взгляд рассматриваемые преступления схожи с деяниями, указанными в гл. 17 и 19 УК РФ. Однако вряд ли можно объяснить высказанные предложения тем, что они «скорее, “дань моде”, наблюдающейся в последнее время относительно квазизащиты прав и интересов личности, нежели результат глубокого научного осмысления сущности

рассматриваемых преступлений» [\[10, с. 124\]](#). Проблема, на наш взгляд, намного глубже, многослойнее и значимее, чем может показаться.

Во-первых, в УК РФ отражено более 20 деяний, которые буквально совпадают по своей физической сути, но при этом имеют разную правовую природу: например, лишение жизни, уничтожение и повреждение имущества, нарушение правил безопасности и др. Законодатель, используя этот прием, указывает социальную направленность преступлений: соответственно против жизни либо здоровья и против государственной власти; собственности и против военной службы; против общественной безопасности и военной службы и т.д. Было бы в данном случае странным ставить вопрос об объединении всех деяний в одну группу, игнорируя при этом главное – нарушаемые ими общественные отношения, ради охраны которых созданы уголовно-правовые нормы. При таком шаге несомненным было бы одно – дезорганизация структуры Особенной части УК РФ.

Во-вторых, нет никаких оснований ограничивать охрану конституционных прав и свобод человека только нормами гл. 19 УК РФ. Как обоснованно замечает И.В. Бессонова, «складывается впечатление, что... все конституционные права и свободы человека и гражданина в России сводятся лишь к числу тех, что взяты под охрану нормами данной главы, либо... права и свободы человека и гражданина, обеспечиваемые нормами других глав, не являются конституционными» [\[11, с. 77; 12, с. 74\]](#). Указанные права и свободы отражены, по сути, во всех главах УК РФ, в том числе и в главе о преступлениях против правосудия.

В-третьих, необходимо учитывать сущность правосудия, функциональным назначением которого выступает защита прав личности [\[13, с. 65\]](#). В ч. 2 ст. 6 УПК РФ указано, что назначением уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Постулированная законодателем социально-правовая функция уголовно-процессуального права равнозначна защите прав и законных интересов лиц и организаций, указанной в ч. 1 этой же статьи [\[14\]](#).

На это обстоятельство обоснованно обращает внимание К.Л. Чайка. Он подчеркивает, что в структуре отношений, поставленных под защиту нормами гл. 31 УК РФ, есть отношения, содержанием которых является обязанность исключить уголовное преследование невиновных и освободить их от наказания, и соответственно право лиц, не совершивших преступления, не подвергаться уголовному преследованию. Автор называет их отношениями безопасности личности, они характеризуются специфическим субъектным составом [\[15, с. 136\]](#).

Сказанное в полной мере можно отнести и к применению мер уголовно-процессуального принуждения. Как обоснованно замечает З.Д. Еникеев, неприкосновенность личности в уголовном процессе – широкое понятие, которое не ограничивается только запретом произвольного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей. Она генерализует основную идею – недопустимость всякого противоправного посягательства кого бы то ни было на безопасность гражданина, его свободу, жизнь, здоровье, честь и достоинство [\[16, с. 69\]](#).

В-четвертых, признание рассматриваемых преступлений в качестве деяний, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина, искажает механизм их совершения. Эти преступления учиняются в специфической сфере реализации судебной

власти – правосудии, т.е. деятельности суда, регламентированной Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами и законами субъектов Федерации (относительно мировых судей), состоящей в разрешении по существу подсудных суду дел посредством уголовного судопроизводства. Правосудие выделено в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны.

Предметом преступления выступает принимаемое судом или органом предварительного расследования процессуальное решение, которое в результате деяния лишается одного или всех свойств, характеризующих его законность, обоснованность, мотивированность, справедливость (применительно к приговору). Ничего подобного нет в преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

И.В. Дворянсков, А.И. Друзин и А.И. Чучаев обоснованно подчеркивают, что «критерием отнесения того или иного общественно опасного деяния к преступлениям против правосудия является создаваемое препятствие соблюдению процессуальных форм, достижению целей, обуславливающих правильное рассмотрение и разрешение подведомственных судам дел. Этим же должно определяться и отграничение указанных деяний от преступлений против государственной службы и посягательств на другие объекты» [\[17, с. 137; 18; 19\]](#).

Последствия, наступающие в результате преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина либо против свободы, чести и достоинства личности, для преступлений против правосудия являются производными от нарушения свойств процессуального акта. А.В. Федоров особо подчеркивает, что права и законные интересы личности при совершении преступлений против правосудия терпят урон отнюдь не всегда и лишь попутно, при нарушении интересов правосудия. Посягательства на благо личности в законодательной характеристике этих деяний выступают способом совершения преступления или квалифицирующим обстоятельством [\[10, с. 90\]](#).

В преступлениях, предусмотренных ст. 299, 300 и 305 УК РФ, потерпевший вовлечен в уголовно-процессуальные отношения, данного обстоятельства нет в деяниях против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В-пятых, конституционные права и свободы личности следует различать как: а) основу ее правового статуса в отношениях с государством; б) как ее интересы, защита которых составляет социально-правовое назначение уголовного судопроизводства. Данное соотношение вытекает из конституционных принципов, обладающих всеобщностью, универсальностью и обязательностью. В уголовном законодательстве они получили отражение в разных правовых контекстах. В гл. 19 УК РФ принципы призваны гарантировать необходимые и достаточные условия существования личности, ее общеправового статуса. В деятельности суда по осуществлению правосудия конституционные принципы определяют содержание и цели реализации государством судебной власти. Как писал В.М. Семенов, «конституционные основы (принципы) правосудия – это закрепленные в Конституции и законах идейно-политические, руководящие правовые положения, выражающие демократическую сущность и специфические свойства правосудия и судебной власти» [\[20, с. 45\]](#). Следовательно, конституционные права и свободы человека и гражданина характеризуют отношения государства и личности в сфере осуществления правосудия в уголовном судопроизводстве.

В советской, а затем и в постсоветской уголовно-правовой литературе высказывались мнения о коренном пересмотре перечня деяний, включенных в круг посягающих на

отправление правосудия. Так, В.К. Глистин предлагал ограничить группу рассматриваемых преступлений только теми, которые нарушают деятельность суда, следовательно, исключив все те, что затрагивают деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и органов и учреждений, исполняющих наказание [\[21, с. 107-108\]](#). При этом автор исходил из того, что «отношения по осуществлению правосудия – это властеотношения между государством и любыми физическими и юридическими лицами по поводу охраны прав и интересов государства и граждан путем разрешения гражданских и уголовных дел в рамках процессуальной деятельности» [\[22, с. 324\]](#).

Позицию В.К. Глистина в постсоветское время в целом поддержала Е.Ю. Хлопцева, по мнению которой часть преступлений, признаваемых преступлениями против правосудия, на самом деле являются собственно должностными посягательствами и посягательствами на порядок управления, в связи с этим предложила при формировании Особенной части УК РФ нормы о них отразить в соответствующих главах [\[23, с. 7; 24, с. 126\]](#).

В таком же ключе, но только с иной расстановкой акцентов рассуждает Т.В. Кондрашова. Она выделяет посягательства на систему правосудия, куда включает органы предварительного расследования и суд, и посягательства на органы, исполняющие судебные приговоры и решения, которым нарушается «сфера государственного управления по осуществлению функций охраны правопорядка в процессе реализации судебных решений» [\[25, с. 619\]](#).

Сторонники отнесения рассматриваемых преступлений к числу деяний, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина, либо к иной группе преступлений объект уголовно-правовой охраны определяют в отрыве от их юридической природы, что вряд ли можно признать корректным. В то же время необходимо иметь в виду, что правовая природа посягательства, т.е. то значение, которое придано ему законодателем, характеризует видовой объект лишь в самом общем виде. Для определения его содержания необходим комплексный анализ социальной направленности деяния, выявления сущности общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона.

Видовой объект преступлений против правосудия – в доктрине уголовного права одна из наиболее сложных проблем. Ее адекватное восприятие осложняется имеющимся расхождением между названием гл. 31 УК РФ, по общепринятому в настоящее время мнению отражающим видовой объект преступлений, и перечнем конкретных деяний, интегрированных в главу, строго говоря, совершаемых не в сфере правосудия, имеющего конституционное определение, а в сфере деятельности иных государственных органов.

В связи с этим следует обратить внимание на три общетеоретических момента, значимых для анализируемой проблемы. Первый – отрицание деятельности Конституционного Суда РФ как осуществления правосудия; причем этой позиции придерживаются в первую очередь некоторые конституционалисты и вслед за ними ряд криминалистов [\[26, с. 8-9; 27, с. 711\]](#), хотя в литературе отражена и противоположная точка зрения [\[28, с. 783\]](#). По нашему мнению, исключение деятельности Конституционного Суда РФ из сферы правосудия не основано на законе.

Второй момент представляет собой диаметрально противоположную ситуацию первой, характеризуется необоснованным расширением понятия правосудия. По утверждению

Е.Ю. Хлопцевой, к осуществлению правосудия относится и деятельность ряда государственных органов и должностных лиц, наделенных правом рассмотрения дел об административных правонарушениях [\[23, с. 70–71\]](#).

Третий момент заключается в признании органами правосудия, вопреки конституционному определению правосудия как такового (ст. 118 Конституции РФ), органов следствия, дознания, прокуратуры, органов, исполняющих вступившие в силу приговоры, решения и постановления суда [\[29, с. 17; 30, с. 50\]](#).

В целом, вероятно, можно выделить два принципиально отличающихся друг от друга подхода к трактовке видового объекта преступлений против правосудия. В их основе лежит видение авторами сущности и сферы правосудия.

У истоков первого из них, вошедшего в уголовно-правовую литературу как концепция двух значений правосудия, стояла И.В. Черных (Тяжкова), предложившая два понятия правосудия: в собственном, или уголовно-процессуальном, смысле и уголовно-правом значении. Последнее понималось шире, чем первое, охватывало не только деятельность суда, но и органов предварительного расследования, прокуратуры и органов и учреждений, исполняющих уголовное наказание. Именно последним обстоятельством автор объясняет то, что «в уголовном законодательстве... относят к преступлениям против правосудия посягательства на правильное проведение предварительного следствия и на деятельность судов всех инстанций, а также деяния, направленные против надлежащего исполнения приговоров или решений, так как все перечисленные посягательства могут причинить ущерб правильному осуществлению... правосудия» [\[31, с. 8\]](#).

Концепция двух значений правосудия, безусловно, доминировала в уголовно-правовой литературе (не разделяла эту точку зрения, пожалуй, только Т.Н. Добровольская) [\[32, с. 18\]](#), пожалуй, около полувека [\[33, с. 105–111\]](#); достаточно сказать, что некоторыми криминалистами она использовалась и при характеристике рассматриваемых преступлений по УК РФ [\[34, с. 237\]](#).

В рамках этой концепции сложилось несколько модификаций характеристики видового объекта посягательств против правосудия, правда, имеющих несущественные различия. В этом отношении, на наш взгляд, представляется важным обратить внимание на мнение Ш.С. Рашковской, которая, исходя указанного восприятия правосудия, писала: «...строго регламентированный нормами уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и исправительно-трудового права специфический вид деятельности суда и органов, ему содействующих, как части государственного аппарата, т.е. интересы правосудия, и являются родовым объектом преступлений против правосудия» (УК РСФСР имел иную структуру Особенной части, в отличие от Особенной части УК РФ в ней не формировались разделы и главы, а следовательно, не выделялся и видовой объект преступления) [\[35, с. 6\]](#). Из приведенного высказывания выделим два места. Во-первых, автор, с одной стороны, объявляет себя сторонником широкого понимания правосудия, с другой стороны, деятельность иных органов фактически выводит из его трактовки, при этом очень точно характеризуя их роль в отправлении правосудия – оказание содействие суду. Таким образом, Ш.С. Рашковская, на наш взгляд, подчеркивает вспомогательный характер деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, органов и учреждений, исполняющих наказания, хотя очевидно, что допускает определенную непоследовательность. Во-вторых, характеризуя объект

преступления, как нам представляется, она одна из первых говорит об интересе правосудия, что при дальнейшем развитии этого направления учения о рассматриваемых деяниях могло бы если не решить, то по крайней мере приблизить разрешение проблемы их видового объекта, дать приемлемое объяснение представленному в гл. 31 УК РФ набору видов преступлений. Однако, к сожалению, формулируя дефиницию указанных деяний, интересы правосудия она уже не упоминает [\[35, с. 14\]](#).

Как отмечается в литературе, «сущностью интереса является общественное отношение, опосредующее выгодное оптимальное удовлетворение потребности, определяющее общие условие и средства ее удовлетворения» [\[36, с. 20; 37\]](#). Применительно к рассматриваемой проблеме это означает: суд имеет интересы как внутри собственной системы (судебной системы), так и вне ее. Так называемые внешние интересы обусловлены тем, что деятельность суда по отправлению правосудия, т.е. реализация его социально-правового назначения, во многом зависит от должного уголовно-правового обеспечения функционирования органов дознания, следствия, прокуратуры, органов и учреждений, исполняющих процессуальные акты по уголовному делу [\[37, с. 11–15\]](#).

В постановлении Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. № 2-П «По делу о проверке конституционных положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева» указано: «Существенное процессуальное нарушение является препятствием для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое, как повлекшее лишение или стеснение гарантируемых законом прав участников уголовного судопроизводства, исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора и фактически не позволяет суду реализовать возложенную на него Конституцией Российской Федерации функцию осуществления правосудия». Таким образом, возможность постановления судом правосудного приговора, т.е. осуществления правосудия по уголовному делу, Конституционный Суд РФ ставит в прямую зависимость от деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры, осуществляемой в строгом соответствии с законодательством (*Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3; постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6*).

Фактически об этом, без упоминания интересов правосудия, писала и И.М. Черных, утверждавшая, что деяния, препятствующие объективному и всестороннему проведению предварительного расследования, тем самым нарушают правильное осуществление правосудия; в этом случае они препятствуют созданию необходимых условий для осуществления правосудия судом [\[31, с. 8\]](#).

По нашему мнению, дав верную оценку роли органов предварительного расследования, автор необоснованно их включила в единое понятие правосудия. На первый взгляд позиция И.М. Черных выглядит вполне обоснованной: при преступном воздействии на элемент системы нарушается нормальное функционирование всей системы, в данном случае правосудия, по ее мнению, как системного образования. На самом деле, на наш взгляд, налицо логические ошибки: во-первых, часть системы, находясь внутри нее, не может создавать условия для функционирования всей системы; к этому способна деятельность институциональных образований, действующих вне системы правосудия, но

в ее интересах. Таковыми образованиями и выступают органы предварительного расследования, прокуратуры, органов и учреждений, исполняющих уголовно-процессуальные акты. Во-вторых, деятельность дознания и следствия может законно завершиться на стадии предварительного расследования, в связи с этим воздействие на их деятельность не оказывает никакого влияния на реализацию судом своего социально-правового назначения.

Концепция двух значений правосудия в уголовно-правовой литературе начала 2000-х гг. была признана методологически ошибочной. «Деятельность правоохранительных органов по содействованию суду в осуществлении правосудия, – пишет С.Э. Асликян, – не является правосудием, она носит служебный характер: создает предпосылки для отправления судом правосудия как в части подлежащей подготовки дел и материалов для судебного разбирательства, так и в части исполнения судебных решений. Воспрепятствование нормальному осуществлению данной функции правоохранительных органов неизбежно вредит правосудию» [\[38, с. 16\]](#).

Из приведенного высказывания вытекает несколько выводов. Во-первых, правосудие ограничивается только деятельностью суда; во-вторых, деятельность правоохранительных органов (на наш взгляд, термин использован некорректно; перечень правоохранительных органов РФ намного шире, чем перечень органов и учреждений, указанных в нормах гл. 31 УК РФ) носит служебный характер, т.е. подчинена решению задач и реализации целей, стоящих перед судом в связи с его социально-правовым назначением; в-третьих, речь идет не о всех возможных направлениях деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, органов и учреждений, исполняющих наказание, а только той ее части, которая связана с подготовкой уголовных дел к рассмотрению судом и реализацией процессуальных актов по уголовному делу.

Этот подход объясняет структуру гл. 31 УК РФ, содержащей две группы преступлений, исходя из их воздействия на деятельность суда по отправлению правосудия и на деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры, органов и учреждений, исполняющих наказание. С.Э. Асликян отмечает, что в этом случае преступления посягают на правосудие либо непосредственно (препятствуют деятельности суда), либо опосредованно (нарушают нормальную вспомогательную работу органов, суда в отправлении правосудия) [\[38, с. 17\]](#).

А.В. Федоров, в целом соглашаясь с утверждением С.Э. Асликяна, считает, что оно «недостаточно конкретное, поскольку из него не ясно, каков механизм воздействия на правосудие при посягательстве на деятельность не суда, а других государственных органов, оказывающих ему содействие в этом, что выступает связующим звеном между ними, позволяющим считать указанные преступления направленными против правосудия» [\[38, с. 17\]](#).

По нашему мнению, упомянутым А.В. Федоровым связующим звеном как раз и выступают интересы правосудия, суть которых заключается в том числе в существовании потребности в качественном, соответствующим уголовно-процессуальным требованиям, определяющим деятельность органов дознания и следствия, расследовании уголовного дела о совершенном преступлении как необходимого условия реализации судом своего социально-правового назначения, в том числе закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

В последнюю четверть века многие криминалисты объект рассматриваемых преступлений стали связывать с двумя группами отношений, во-первых, характеризующих

законодательно регламентированную деятельность органов дознания и следствия по расследованию уголовных дел и деятельность органов и учреждений, исполняющих судебные решения и приговоры; во-вторых, характеризующих деятельность суда по отправлению правосудия [\[10, с. 90\]](#). По мнению Л.В. Лобановой, «правосудие в качестве объекта уголовно-правовой охраны следует рассматривать как систему общественных отношений, призванных обеспечить предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательной-правоприменительной, процессуально упорядоченной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц» [\[39, с. 27; 40, с. 21–23\]](#). В указанной системе автор выделяет две подсистемы, объединяют которые интересы правосудия.

Надо заметить, что ряд криминалистов отождествляет интересы и общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны [\[41, с. 18\]](#). Другие полагают, что коль скоро деятельность органов предварительного расследования и суда происходит в рамках уголовно-процессуального законодательства, то применительно к объекту преступления следует говорить не об общественных отношениях, терпящих урон от совершенного посягательства, а о правоотношениях, складывающихся исходя из их содержания, субъекта и объекта, так как «деятельность... субъектов включена наряду с самими субъектами в содержание отношения, а не наоборот – отношение... включено в содержание деятельности» [\[42, с. 245\]](#).

В литературе высказаны мнения, влекущие, на наш взгляд, искажение сути рассматриваемого объекта уголовно-правовой охраны. Так, Ю.И. Кулешов в качестве его самостоятельной составляющей признает физическую и нравственную защищенность участников судопроизводства и их близких [\[43, с. 11\]](#). Трудно понять включение в содержание указанного объекта конституционные задачи по борьбе с правонарушениями и порождающими их причинами [\[44, с. 14\]](#), поскольку перед правосудием она не стоит по определению. Некоторые авторы, признавая объектом преступления деятельность государства по реализации судебной власти, не учитывают, что судебная власть и правосудие – различные по объему понятия, первая шире второй [\[45, с. 11\]](#), некоторые ее составляющие вообще не могут обеспечиваться средствами уголовного права.

По нашему мнению, при определении видового объекта преступлений против правосудия необходимо исходить из того, что гл. 31 УК РФ:

во-первых, охватывает две группы норм, предусматривающих соответственно деяния, посягающие на: 1) процессуально урегулированную деятельность органов предварительного расследования и законодательно регламентированную деятельность по исполнению судебных решений и приговоров; 2) на деятельность суда по осуществлению правосудия как своего социально-правового назначения;

во-вторых, сущность правосудия должна пронизывать все содержание объекта;

в-третьих, входит в разд. X «Преступления против государственной власти» УК РФ.

Основываясь на указанных обстоятельствах, видовой объект преступлений против правосудия можно охарактеризовать как сложное образование, включающее общественные отношения, характеризующие деятельность суда по реализации функций судебной власти, и общественные отношения, характеризующие вспомогательную деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и исполнения судебных решений и приговоров, объединенных общими интересами, вытекающими из

социально-правового назначения правосудия. В целом, на наш взгляд, верное определение рассматриваемого объекта уголовно-правовой охраны сформулировано А.В. Федоровым, но, как нам представляется, оно страдает чрезмерной, не обусловленной принципами дефинирования конкретизацией определенных обстоятельств [\[46, с. 86\]](#). Упоминание в одном логическом ряду общественных отношений и интересов не создает противоречия, поскольку за каждым интересом стоят соответствующие общественные отношения [\[47, с. 74\]](#).

На основании предложенной дефиниции видового объекта уголовно-правовой охраны можно сформулировать дефиницию преступлений, нарушающих свойства уголовно-процессуального решения, выносимого как в стадии предварительного расследования, так и в стадии разрешения судом уголовного дела по существу. По нашему мнению, таковыми следует признавать преступления против правосудия, нарушающие законность, обоснованность, мотивированность и справедливость (по отношению к приговору) уголовно-процессуальных решений и тем самым препятствующие реализации судом своего социально-правового назначения по отправлению правосудия.

Библиография

1. Тер-Акопов А.А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. Рязань, 1994. 478 с.
2. Фасхутдинова Н.Р. Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности от заведомо незаконных задержания, заключения под стражу и содержания под стражей: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. 203 с. EDN: NLPTPL
3. Сергеев А.И. Гарантии неприкосновенности личности, связанные с задержанием, предварительным заключением под стражу в советском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. 321 с.
4. Иванов В.Н. Уголовно-правовая охрана прав гражданина. М., 1967. 136 с.
5. Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. М., 1977. 168 с.
6. Лукашева Е.А. Правовое государство и обеспечение прав человека // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990. С. 46.
7. Горелик А.С. Уголовная ответственность за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина // Проблемы уголовной ответственности и наказания. Красноярск, 1995. С. 75-76.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994. 672 с.
9. Михайлов В.А. Защита прав человека в уголовном судопроизводстве при применении мер пресечения // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности ОВД. М., 1994. С. 53.
10. Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). Калуга, 2004. 283 с. EDN: QVYTTF
11. Бессонова И.В. Нарушение правил охраны труда (проблемы истории, законодательного регулирования и практики). Оренбург, 2002. 158 с.
12. Лысов М.Д. Логико-структурный анализ понятий и признаков преступлений в действующем Уголовном кодексе РФ // Государство и право. 1997. № 12. С. 74.
13. Петрухин И.Л. Частная жизнь (правовые аспекты) // Государство и право. 1999. № 1. С. 65.
14. Чучаев А.И., Зацепина Е.М. Уголовно-правовая защита личности в уголовном процессе. М., 2011. 184 с.
15. Чайка К.Л. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве (уголовно-правовые проблемы). Хабаровск, 2004. 224 с. EDN: QVXHST

16. Еникеев З.Д. Проблема усиления гарантий неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 1997. № 3. С. 69.
17. Дворянсков И.В., Друзин А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана правосудия (историко-правовое исследование). М., 2002. 150 с.
18. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001. 510 с. EDN: BRHZOF
19. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. 134 с. EDN: WWWKIF
20. Правоохранительные органы Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Семенова. М., 1998. 285 с.
21. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. 127 с.
22. Курс советского уголовного права: В 5 т. Т. 4. Л., 1978. 557 с.
23. Хлопцева Е.Ю. Уголовно-правовая охрана правосудия: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 179 с. EDN: WVZWMP
24. Хлопцева Е.Ю. Становление и развитие уголовного законодательства в сфере борьбы с деяниями, препятствующими осуществлению правосудия // Защита личности в уголовном праве. Екатеринбург, 1992. С. 126.
25. Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1998. С. 619.
26. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 175 с. EDN: YNBQLF
27. Уголовное право. Общая и Особенная части / Под ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М., 2007. С. 711.
28. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1999. 800 с.
29. Голоднюк М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1996. № 6. С. 17.
30. Субботина В.И. Уголовная ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 158 с. EDN: NMICYUX
31. Черных И.М. Преступления против социалистического правосудия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962. 24 с.
32. Добровольская Т.Н. Понятие советского социалистического правосудия // Ученые записки ВЮН. 1963. № 16. С. 3-45.
33. Кирова Т.А. Развитие идеи правосудия как объекта уголовно-правовой охраны в отечественной правовой мысли второй половины XX века // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 1 (31). С. 105-111. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-105-111 EDN: VVBHUJ
34. Преступления против правосудия / Под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2023. 558 с.
35. Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. 104 с.
36. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990. 200 с. EDN: QZRGJB
37. Шигина Н.В. Интерес и его отражение в уголовном праве. М., 2010. 274 с.
38. Гулый А.А., Денисенко М.В. К вопросу о разграничении преступлений, посягающих на нормальную деятельность органов правосудия // Российский судья. 2024. № 6. С. 11-15. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-6-11-15 EDN: CELGGL
39. Асликян С.Э. Уголовно-правовое обеспечение реализации конституционных принципов осуществления правосудия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 26 с. EDN: NMIVZZ

40. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 267 с. EDN: TKIAXJ
41. Дворянсков И.В., Друзин А.И., Курбанов М.М., Чучаев А.И. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны (проблемы законодательной регламентации, теории и практики). Махачкала, 2003. С. 21-23.
42. Агузаров Т.К. Уголовно-правовое обеспечение независимости и неприкосновенности судей: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.
43. Чайка К.Л. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны // Сборник трудов молодых ученых академии управления "Тисби". Казань, 2004. С. 245.
44. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации. Хабаровск, 2001. 152 с.
45. Зеренков Э.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты подкупа и принуждения к лжесвидетельству и уклонению от дачи показаний: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 1999. 157 с. EDN: NLPRQH
46. Гарафутдинов М.Р. Ответственность за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по уголовному праву Российской Федерации: Автореф. дис ... канд. юрид. наук. Казань, 1995. 20 с. EDN: NLHSUP
47. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. 196 с. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, уголовно-правовая природа нарушений свойств процессуального решения по уголовному делу. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Правовая природа ряда деяний, признанных законодателем преступлениями против правосудия, в доктрине российского уголовного права относится к дискуссионным проблемам. Многие криминалисты, например, считают необоснованным выделение в качестве специального состава преступления посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ). Как указывается в уголовно-правовой литературе, в этом случае нарушается принцип приоритетной охраны личности, закрепленный в ст. 2 УК РФ; жизнь человека выступает дополнительным объектом преступления, тогда как должна всегда являться основным [1, с. 56]. Научная новизна настоящего исследования заключается в предложении авторской формулировки видового объекта преступлений против правосудия, разработке концепции разграничения преступлений против правосудия и преступлений против конституционных прав и свобод человека, учитывающей специфику их объекта и предмета, а также в комплексном подходе к рассмотрению преступлений против мира и безопасности человечества. Рассматриваемая проблематика выступала предметом исследований ряда советских и российских теоретиков уголовного права, в частности, Н.Р. Фасхутдинова, В.Н. Иванова, А.И. Чучаева и других".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Сторонники отнесения рассматриваемых преступлений к числу деяний, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина, либо к иной группе

преступлений объект уголовно-правовой охраны определяют в отрыве от их юридической природы, что вряд ли можно признать корректным. В то же время необходимо иметь в виду, что правовая природа посягательства, т.е. то значение, которое придано ему законодателем, характеризует видовой объект лишь в самом общем виде. Для определения его содержания необходим комплексный анализ социальной направленности деяния, выявления сущности общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона. Видовой объект преступлений против правосудия – в доктрине уголовного права одна из наиболее сложных проблем. Ее адекватное восприятие осложняется имеющимся расхождением между названием гл. 31 УК РФ, по общепринятому в настоящее время мнению отражающим видовой объект преступлений, и перечнем конкретных деяний, интегрированных в главу, строго говоря, совершаемых не в сфере правосудия, имеющего конституционное определение, а в сфере деятельности иных государственных органов"; "А.В. Федоров, в целом соглашаясь с утверждением С.Э. Асликяна, считает, что оно «недостаточно конкретное, поскольку из него не ясно, каков механизм воздействия на правосудие при посягательстве на деятельность не суда, а других государственных органов, оказывающих ему содействие в этом, что выступает связующим звеном между ними, позволяющим считать указанные преступления направленными против правосудия» [38, с. 17]. По нашему мнению, упомянутым А.В. Федоровым связующим звеном как раз и выступают интересы правосудия, суть которых заключается в том числе в существовании потребности в качественном, соответствующим уголовно-процессуальным требованиям, определяющим деятельность органов дознания и следствия, расследовании уголовного дела о совершенном преступлении как необходимого условия реализации судом своего социально-правового назначения, в том числе закрепленного в ст. 6 УПК РФ"; "По нашему мнению, при определении видовой объекта преступлений против правосудия необходимо исходить из того, что гл. 31 УК РФ: во-первых, охватывает две группы норм, предусматривающих соответственно деяния, посягающие на: 1) процессуально урегулированную деятельность органов предварительного расследования и законодательно регламентированную деятельность по исполнению судебных решений и приговоров; 2) на деятельность суда по осуществлению правосудия как своего социально-правового назначения; во-вторых, сущность правосудия должна пронизывать все содержание объекта;

в-третьих, входит в разд. X «Преступления против государственной власти» УК РФ.

Основываясь на указанных обстоятельствах, видовой объект преступлений против правосудия можно охарактеризовать как сложное образование, включающее общественные отношения, характеризующие деятельность суда по реализации функций судебной власти, и общественные отношения, характеризующие вспомогательную деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и исполнения судебных решений и приговоров, объединенных общими интересами, вытекающими из социально-правового назначения правосудия" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует ряд теоретических и практических проблем, связанных с определением уголовно-правовой природы нарушений свойств процессуального решения по уголовному делу, и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков

формального характера.

Так, автор пишет: "Проблема правовой природы деяний, предусмотренных ст. 299, 300 и 305 УК РФ, также пока не нашла своего решения" - для удобства читателей в скобках необходимо указать наименования перечисленных статей УК РФ. То же касается упомянутых глав УК.

Ученый отмечает: "«Деятельность правоохранительных органов по содействию суду в осуществлении правосудия, – пишет С.Э. Асликян, – не является правосудием, она носит служебный характер..." - "по содействию" (опечатка).

Автор указывает: "По нашему мнению, упомянутым А.В. Федоровым связующим звеном как раз и выступают интересы правосудия, суть которых заключается в том числе в существовании потребности в качественном, соответствующим уголовно-процессуальным требованиям, определяющим деятельность органов дознания и следствия, расследовании уголовного дела о совершенном преступлении как необходимого условия реализации судом своего социально-правового назначения, в том числе закрепленного в ст. 6 УПК РФ" - "сопутствующем" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Библиография исследования представлена 47 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, комментарием, учебниками). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (В. А. Михайлов, А. В. Федоров, В. К. Глистин, Е. Ю. Хлопцева, Ю. Л. Шульженко, Ю.И. Кулешов и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("По нашему мнению, при определении видового объекта преступлений против правосудия необходимо исходить из того, что гл. 31 УК РФ: во-первых, охватывает две группы норм, предусматривающих соответственно деяния, посягающие на: 1) процессуально урегулированную деятельность органов предварительного расследования и законодательно регламентированную деятельность по исполнению судебных решений и приговоров; 2) на деятельность суда по осуществлению правосудия как своего социально-правового назначения; во-вторых, сущность правосудия должна пронизывать все содержание объекта; в-третьих, входит в разд. X «Преступления против государственной власти» УК РФ. Основываясь на указанных обстоятельствах, видовой объект преступлений против правосудия можно охарактеризовать как сложное образование, включающее общественные отношения, характеризующие деятельность суда по реализации функций судебной власти, и общественные отношения, характеризующие вспомогательную деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и исполнения судебных решений и приговоров, объединенных общими интересами, вытекающими из социально-правового назначения правосудия. ... На основании предложенной дефиниции видового объекта уголовно-правовой охраны можно сформулировать дефиницию преступлений, нарушающих свойства уголовно-процессуального решения, выносимого как в стадии предварительного расследования, так и в стадии разрешения судом уголовного дела по существу. По нашему мнению, таковыми следует признавать преступления против правосудия, нарушающие законность, обоснованность, мотивированность и справедливость (по отношению к приговору) уголовно-процессуальных решений и тем самым препятствующие реализации судом своего социально-правового назначения по отправлению правосудия"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного

сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, уголовного процесса при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.